

# Любовь и мистер Люишем



Герберт Уэллс

**ЛЮБОВЬ  
И МИСТЕР  
ЛЮИШЕМ**

*ФТМ*

УДК 82/821-821.161.1  
ББК 84(0)  
У98

*Перевод с английского  
Нины Емельянниковой*

**Уэллс, Г.**

У98 Любовь и мистер Люишем / Г. Уэллс; [пер. с англ. Н. Емельянникова]. – М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ, 2019. – 306 с.

ISBN 978-5-521-74813-6

Жизнь мистера Люишема, честолюбивого молодого человека, расписана на несколько лет вперед – диплом университета, всестороннее образование, знание пяти-шести языков, и всё это к двадцати четырём годам! Но когда в его жизни появляется любовь, Люишем вынужден изменить «схеме» ради семьи. В романе развивается мысль о важности отдельного человека, его индивидуального подхода к жизни и согласия между мужчиной и женщиной. Как писал сам Герберт Уэллс, «основной материал для романа — то, как люди приспособливаются друг к другу».

**litagent.ru**

*Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.*

УДК 82/821-821.161.1  
ББК 84(0)  
BIC FC  
BISAC FIC000000

© Т8 RUGRAM, 2019  
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2019  
ISBN 978-5-521-74813-6 © Перевод. Н. Емельянникова, наследники, 2019

# ГЛАВА I

## ЗНАКОМИТ С МИСТЕРОМ ЛЮИШЕМОМ

В первой главе ничего не говорится о Любви — эта участница событий появляется лишь в главе третьей, — а пока мы застаем мистера Люишема за работой. Речь пойдет о событиях десятилетней давности, и в те годы он был младшим учителем в частной школе в городке Хортли графства Суссекс; жалованье его составляло сорок фунтов в год, из коих он должен был в течение учебного года платить пятнадцать шиллингов в неделю владелице маленькой лавки на Вест-стрит миссис Манди, у которой жил и столовался. «Мистером» его звали для отличия от великовозрастных мальчишек, пока еще обязанных учиться, а от них строго-настрого требовалось, чтобы, обращаясь к нему, они величали его «сэр».

Он носил костюм из магазина готового платья; борта и рукава его черного, строгого покроя сюртука были припорошены мелом, лицо покрыто первым пушком, а на губе определенно намечались усы. Это был приятный на вид юноша, восемнадцати лет, светловолосый, довольно плохо подстриженный, в очках на крупном носу — очки ему были совершенно не нужны, — он носил

их ради поддержания дисциплины, чтобы казаться старше. В тот самый момент, когда начинается наше повествование, он находился у себя в комнате. То было чердачное помещение со слуховыми окошками в свинцовых рамах, покатым потолком и вспученными стенами, оклеенными, как свидетельствовали многочисленные надрывы, не одним слоем цветастых старомодных обоев.

Судя по убранству комнаты, мистера Люишема больше занимали мысли о Величии, нежели о Любви. Над изголовьем его кровати, например, где добрые люди вешают изречения из Библии, находились начертанные четким, крупным, по-юношески вычурным почерком следующие истины: «Знание — сила», «Что сделал один, способен сделать другой» (под словом «другой» подразумевался, конечно, сам мистер Люишем). Эти истины не полагалось забывать ни на минуту. Каждое утро, когда голова мистера Люишема пролезала сквозь ворот рубашки, он мог вновь освежать их в своей памяти. А над выкрашенным желтой краской ящиком — на нем из-за отсутствия полок размещалась личная библиотека мистера Люишема — висела его «Programma». (Почему не просто «Программа», на этот вопрос мог бы ответить лучше моего редактор «Чэрч-таймс», который называет отдел литературной смеси «Varia».) В этой «Программе» год 1892-й был указан как срок, когда мистеру Люишему предстояло сдать при Лондонском университете экзамен на степень бакалавра «с отличием по всем предметам», а 1895-й отмечен «золотой медалью». Дальше, своим чередом, должны были последовать «брошюры либерального направления» и тому подобные вещи. «Тот, кто желает управлять другими, должен прежде всего научиться

управлять собой» — было написано над умывальником, а возле двери, рядом с выходной парой брюк, висел портрет Карлейля.

Это были не пустые угрозы окружающему миру: действия уже начались. Растолкав Шекспира, эмерсоновские «Опыты» и «Жизнь Конфуция» в дешевом издании, стояли потрепанные и помятые учебники, несколько превосходных пособий «Всеобщей ассоциации заочного образования», тетради, чернила (красные и черные) в грошовых бутылочках и резиновая печатка с вырезанным на ней именем мистера Люишема. Полученные от Южно-Кенсингтонского колледжа голубовато-зеленые свидетельства о прохождении курса начертательной геометрии, астрономии, физиологии, физиографии и неорганической химии украшали третью стену. А к портрету Карлейля был приколот список французских неправильных глаголов.

Над умывальником, к которому угрожающе близко скосом подступала крыша — ведь обитал мистер Люишем в мансарде, — канцелярская кнопка удерживала расписание дня. Мистеру Люишему надлежало вставать в пять утра, а свидетелем тому, что это не пустое хвастовство, был американский будильник, стоявший на ящике возле книг. Подтверждали это и кусочки шоколада на бумажной тарелочке у изголовья постели. «До восьми — французский» — кратко извещало расписание. На завтрак полагалось двадцать минут; затем двадцать пять минут — не больше и не меньше — посвящалось литературе, то есть заучиванию отрывков (в основном риторического характера) из пьес Вильяма Шекспира, после чего следовало отправляться в школу и приступать

к выполнению своих непосредственных обязанностей. На перерыв и час обеда расписание назначало сочинение из латыни (на время еды, однако, предписывалась опять литература), а в остальные часы суток занятия менялись в зависимости от дня недели. Ни одной минуты дьяволу с его «искушениями». Только семидесятилетний старец имеет право и время на праздность.

Подумать только, до чего превосходное расписание! Встать и приступить к работе в пять утра, когда весь мир вокруг тебя еще хранит горизонтальное положение и видит сны, нежась в тепле, а тот, кого вдруг разбудили, глупо таращит глаза и тотчас же, ворча и вздыхая, снова поворачивается на бок и засыпает. В восемь за плечами уже трехчасовая работа, то есть на три часа больше знаний, чем у любого другого человека. На освоение иностранного языка требуется, как объяснял мне один известный ученый, около тысячи часов упорного труда; а если вы уже знаете три-четыре языка, то потребуется гораздо меньше времени и можно освоить по языку в год, занимаясь только перед завтраком. Владение языками — к вашим услугам, стоит лишь руку протянуть! Или взять литературу — удивительная идея! Послеобеденные часы — математика и естественные науки. Что может быть проще и одновременно величественнее? Через шесть лет мистер Люишем будет владеть пятью или шестью языками, получит глубокое, всестороннее образование и усвоит привычку к сказочному трудолюбию, и все это к двадцати четырем годам. У него уже будет диплом университета и приличные средства к существованию. Надо думать, и брошюры либерального направления тоже не окажутся пустяками. Можно себе представить, что ждет

мистера Люишема в тридцать лет. Конечно, по мере приобретения жизненного опыта подвергнется кое-каким изменениям и «Programma», но дух ее не изменится, и дух этот — всепоглощающее пламя!

Он сидел лицом к ромбовидному окну и быстро-быстро что-то писал. Столом ему служил второй желтый ящик, поставленный стоймя; крышка ящика была откинута, поэтому колени мистера Люишема удобно устроились внутри. На постели были навалены книги и размноженные на ротапринте многочисленные инструкции его заочных наставников. Согласно висевшему на стене расписанию, мистер Люишем, как вы могли бы убедиться, занимался переводом с латинского языка на английский.

Мало-помалу скорость письма уменьшилась. Дело разладилось на «Urit me Glyceræ nitor»<sup>1</sup>. Эта фраза никак не давалась ему. «Urit me», — пробормотал он, и взгляд его, оторвавшись от книги, переместился на видневшуюся из окна крышу дома священника с ее обвитыми плющом печными трубами. Его лоб, сначала нахмуренный, теперь разгладился. «Urit me»! Прикусив зубами кончик ручки, он огляделся в поисках словаря. «Urare»?

Внезапно выражение его лица изменилось. Рука, протянутая к словарю, опустилась. Он прислушался к доносившемуся с улицы легкому постукиванию. Это были шаги.

Он вскочил и, вытянув шею, старался сквозь стекла ненужных ему очков и ромбовидные стекла окна разглядеть, что там на улице. Прямо под собой, внизу, он увидел шляпку, затейливо украшенную бело-розовыми цве-

---

<sup>1</sup> Сжигает меня Глиkerы ослепительная краса (*лат*).

тами, плечо, кончик носа и подбородок. Ну да, это она, та самая незнакомка, которая в прошлое воскресенье сидела под хорами возле Фробишеров. Тогда он тоже видел ее лишь краем глаза...

Он следил за ней, пока она не исчезла из поля зрения. Попытался даже проводить ее взглядом за угол...

Затем, вздрогнув, нахмурился и вынул ручку из рта.

— Как я отвлекаюсь! — сказал он. — И по каждому пустяку! Где я остановился? Фу! — с шумом выдохнул он воздух, выражая этим свое раздражение, и сел, снова засунув колени в открытый ящик. — *Urit me*, — повторил он, кусая кончик пера и отыскивая словарь.

Была среда, в этот день занятий в школе не было. Стоял конец марта, и весенний день был великолепен своим янтарным светом, ослепительно белыми облаками и густо-синим небом; тут и там среди ветвей деревьев мелькали брызги яркой зелени, возбужденно и радостно чирикали птицы — радостный день, волнующий, зовущий, истинный вестник лета, близость которого уже чувствовалась в воздухе. Теплая земля раздавалась под натиском набухших семян, а в хвойных лесах, чуть слышно потрескивая, лопались чешуйчатые почки. И не только земля, воздух и деревья внимали зову матери-природы, он волновал и юношескую кровь мистера Люишема, побуждая его к жизни, жизни совсем иной, нежели та, к какой звала его «*Programma*».

Он увидел словарь, выглядывавший из-под газеты, нашел «*Urit me*», оценил сверкающий «*nitor*» плеч Гликеры, снова отвлекся и снова одернул себя.

— Не могу сосредоточиться, — сказал мистер Люишем.